

³ См.: Бублик Л. А. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи. М., 1983. С. 196.

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 44. С. 210.

⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 325.

⁶ См.: Советская Белоруссия. 1986. 26 июля.

Г. М. ТРУХНОВ, Г. А. КОСМАЧ

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ОТНОШЕНИИ СССР (1924—1926)

Основу внешнеполитической доктрины Немецкой демократической партии (НДП) составляла идея создания великогерманского национального государства. Это означало ревизию Версальского договора, возвращение всех земель, утраченных Германией по его условиям, осуществление аншлюсса Австрии, а также снятие со страны единоличной вины за развязывание первой мировой войны и, следовательно, пересмотр репарационного вопроса в пользу немцев. Признавая примат внешней политики над внутренней, демократы считали, что устранение Версальского диктата и присоединение Австрии смогут разрешить социальные противоречия внутри Германии и обеспечить ее «жизненным пространством». Это свидетельствовало о том, что в демократической партии практически сохранился известный империалистический план о создании «Срединной Европы» одного из основателей НДП Ф. Наумана. Последователи Ф. Наумана занимали руководящие посты в НДП. Среди них следует выделить двух председателей партии К. Петерсена и Э. Коха-Везера, а также членов правления Г. Боймер, Т. Хейса, П. Рорбаха, А. Эркеленца, Э. Иекха. Они открыто заявляли: «Мы народ без пространства, зажатый в Центральной Европе... Это несоответствие между стремлением народа и судьбой лежит в основе ожесточенности и катаклизмов, которые у нас более чем где-либо принимают классовую форму»¹. Э. Кох-Везер считал, что «жизненное пространство Германии находится в Центральной Европе и должно быть расширено на Юго-Востоке»². В НДП было популярным требование переселять безработных на восточные земли Германии. Эта мера рассматривалась не только как один из путей решения социальных проблем, но и как основа для осуществления реваншистских планов немецкого капитала. Об этом на заседании рейхстага 19 февраля 1926 года недвусмысленно заявил А. Эркеленц: «Борьба на востоке Германии за границы между немцами и славянами еще не завершена. Границы, которые определились в мировой войне, отнюдь не окончательны. Мы не знаем, когда начнется следующий натиск на Восток и где он будет, но что он будет—это абсолютно верно»³.

Такие внешнеполитические установки руководства НДП способствовали тому, что отношение к Советскому Союзу, восточная политика оказались в центре внимания правления партии, ее фракции в рейхстаге и партийного комитета. Оценка демократами роли СССР на международной арене и советско-германских отношений ярко проявилась уже при заключении Рапалльского договора между Германией и Советской Россией в апреле 1922 года. 28 мая на заседании партийного комитета с докладами о результатах Генуэзской конференции выступили Г. Бернгард и М. Ю. Бонн, которые участвовали в ее работе в качестве экспертов немецкой делегации. Г. Бернгард, главный редактор «Фоссице Цайтунг», подчеркнул, что «единственно позитивным, что мы вынесли из Генуи, является Рапалльский договор»⁴. Он означает выход Германии из внешнеполитической изоляции и начало сотрудничества двух стран. Оппонент Г. Бернгарда профессор-экономист М. Ю. Бонн высказал опасение, что Рапалло осложнит сближение Германии с Западом. После дискуссии партиком и фракция НДП в целом одобрили Рапалльский договор. Таким образом, уже при установлении дипломатических отношений между Советской Россией и Веймарской республикой в демократической партии началась борьба между сторонниками и противниками рапалльской политики.

Принятие «плана Дауэса» в августе 1924 года означало не только усиление реакции и эксплуатации рабочего класса в Германии, но и постепенное втягивание Веймарской республики в антисоветский фронт империалистических государств Запада. Вместе с тем новая западная ориентация министра иностранных дел Германии лидера Немецкой на-

родной партии Г. Штреземана не означала полного разрыва с «духом Рапалло». Немецкие правящие круги хорошо сознавали важность экономических, политических и культурных отношений с СССР. Демократическая партия в целом придерживалась внешнеполитического курса Г. Штреземана, стремившегося лавировать между Востоком и Западом в интересах германского империализма. Тем не менее в НДП был ряд лидеров, не поддерживающих усиление антисоветских тенденций во внешней политике Германии.

В 1925 году в связи с заключением локарнских соглашений и Московского торгового договора между СССР и Веймарской республикой в НДП еще более усилилась дискуссия о значении рапалльского политики для Германии. В ходе споров выявилось три точки зрения. Одни склонялись к мысли о том, что Западная ориентация стала для Германии более важной, чем восточная, поэтому следует придерживаться линии Локарно во внешней политике. Такую позицию занимали А. Эркеленц, И. Г. фон Бернсторф, Г. Боймер, Ф. Мейнеке. Последний отметил, что локарнские соглашения инспирировала Англия, чтобы ослабить Францию на континенте и «создать вал в Европе против СССР». Англия, исходя из своих интересов, предлагала помощь Германии и ее, по мнению Ф. Мейнеке, следовало принять. Локарно, подчеркивал он, страхует Германию от «насилия Пуанкаре» и гарантирует сохранение за ней Рейнской области. Германия не должна опасаться втягивания в западный фронт против Советского Союза, потому что в случае решающей борьбы между «русско-азиатским и западноевропейским миром и культурой, наше место там, где его определили тысячелетия мировой истории, — на стороне Запада»⁵. 19 мая 1925 года И. Г. фон Бернсторф, выступая в рейхстаге, высказался за подписание гарантийного пакта и вступление Германии в Лигу Наций, отметив, что Рапалльский договор является только миром, но не союзом с Россией.

Другая, наиболее многочисленная, группа лидеров Немецкой демократической партии считала, что Германия не должна отдавать предпочтение той или иной ориентации и продолжать быть, по выражению Э. Коха-Везера, «мостом между Востоком и Западом». Он подчеркнул, что в Рапалло Германия уже сделала «знак предупреждения» Западу и теперь следует пойти на примирение с Францией. Э. Кох-Везер предупреждал против тесного союза с СССР, так как, мол, в предстоящей войне с Западом Германия будет поглощена большевизмом. Поэтому «на пути к немецкой свободе и равенству Лига Наций станет, — писал он, — быть может, самым важным инструментом»⁶. 27 ноября 1925 года Э. Кох-Везер заявил в Рейхстаге, что Локарно является фактически первым шагом на пути пересмотра Версальского мира, а вступление в Лигу Наций обеспечит Германии выход из изоляции.

Определенное внимание на оценку Локарно и рапалльского курса руководством НДП оказали взгляды третьей группы лидеров, которые выступили за приоритет или упорочение «духа Рапалло» во внешней политике Германии. В. Гельпах, О. Нушке, Э. Леммер считали, что СССР и Веймарская республика являются естественными союзниками. В. Гельпах был сторонником концепции «общности судьбы» Германии и России. Он подчеркивал, что для Веймарской республики жизненно важно сохранение сотрудничества с СССР на основе Рапалльского договора. Он выступил даже за создание в отдаленной перспективе «германо-славянской» общности в Европе.

Близкие к демократической партии органы печати оживленно комментировали ход советско-германских переговоров о торговом договоре и его подписание 12 октября 1925 года. В статье Г. Бернгарда «Перед Локарно», опубликованной «Фоссише Цайтунг» 4 октября 1925 года, утверждалось: «Экономическое и политическое будущее Германии без теснейших связей с Россией вообще немыслимо»⁷. Г. Бернгард предостерегал политических деятелей страны против увлечения Западом. «Франкфуртер Цайтунг» поместила ряд статей, посвященных анализу торговых связей СССР и Германии. Одобрения подписанный договор как «неоспоримый прогресс» в советско-германских отношениях, газета тем не менее высказывала сожаление по поводу сохранения Советским Союзом монополии внешней торговли⁸.

В течение 1924—1925 годов в демократической партии утвердились сторонники внешнеполитической линии Штреземана, предусматривающей ориентацию на Запад при одновременном сохранении основ рапалльского

курса в советско-германских отношениях. VI съезд НДП в декабре 1925 года одобрил Локарнский пакт как «перемирие» в Европе.

Заключение 24 апреля 1926 года Берлинского договора о нейтралитете между СССР и Германией имело большое значение для укрепления рапальской политики. Он притупил антисоветское острие Локарно. Германия вступала теперь в Лигу Наций с оговоркой о том, что сама определяет возможность участия в санкциях по статье 16 устава этой организации. Фракция НДП в рейхстаге одобрила Берлинский договор. «Фоссише Цайтунг» напечатала весь текст договора и отметила, что он укрепляет «дух Рапалло» в отношениях двух стран⁹. «Франкфуртер Цайтунг» также позитивно оценила Берлинский договор. Несколько иную позицию заняла «Берлинер Tageblatt». Т. Вольф в статье «Договор с Россией» писал, что не провал первой попытки Германии вступить в Лигу Наций повлек за собой подписание соглашения с СССР, а стремление Веймарской республики жить в мире и дружбе как с Востоком, так и с Западом. При этом автор считал, что идти на союз с Россией опасно для внутривнутриполитического развития Германии¹⁰. Наиболее реалистическую оценку договору о нейтралитете дал Э. Леммер. Он подчеркивал: «Настоящий фундамент для необычайно плодотворно развивающихся отношений между рейхом и Советским Союзом заложен лишь 24 апреля 1926 года»¹¹. Однако некоторые лидеры НДП пессимистически оценивали Берлинский договор. Так, А. Эркеленц в партийном журнале «Ди Хильфе» охарактеризовал его отрицательно, заявив, что дружба с Россией — это иллюзия, «на Западе мы к этому времени потеряли больше, чем выиграли на Востоке»¹². Э. Кох-Везер отзывался о договоре как о «вопросе престижа» для Германии в связи с провалом ее вступления в Лигу Наций в марте 1926 года. Он отметил, что соглашение с Россией было уступкой Немецко-национальной народной партии, которая не одобряла локарнской политики.

Таким образом, в политике Немецкой демократической партии по отношению к СССР в 1924—1926 годах появились три тенденции. Сторонники западной ориентации Германии считали Рапальский договор невыгодным для своей страны. Они выступали за тесное сотрудничество с Западом на основе Локарнских соглашений. Представители второй тенденции, преобладавшей в НДП, рассматривали Локарно как необходимый шаг на пути примирения с Францией и Англией при одновременном сохранении рапальского курса в советско-германских отношениях. Поэтому демократическая партия в целом одобряла внешнюю политику Г. Штреземана. В противовес наметившемуся сближению с западными державами ряд видных деятелей НДП подчеркивали жизненную необходимость взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Германией в «духе Рапалло».

¹ B ä u m e r G. Grundlagen demokratischen Politik. Karlsruhe, 1928. S. 68.

² Koch - W e s e r E. Deutschland Aussenpolitik in der Nachkriegszeit. 1919—1929. Berlin, 1929. S. 122.

³ Verhandlungen des Reichstags. Berlin, 1926. Bd. 389. S. 5727.

⁴ Linksliberalismus in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1980. S. 245.

⁵ Meinecke F. Politische Schriften und Reden. Darmstadt, 1958. S. 399—400.

⁶ Koch - W e s e r E. Deutschlands Aussenpolitik in der Nachkriegszeit. S. 85; 96.

⁷ Vossische Zeitung. 1925. 4. Oktober.

⁸ Frankfurter Zeitung. 1925. 16. Oktober (Erste Morgenblatt)

⁹ См.: Vossische Zeitung. 1926. 25. und 27. April.

¹⁰ См.: Berliner Tageblatt. 1926. 18. April (Morgen-Ausgabe).

¹¹ Lemmer E. Manches war doch anders. Frankfurt am Main, 1968. S. 107.

¹² Huber W. Gertrud Bäumer.— Augsburg, 1970. S. 284.

Е. Д. СМЕРНОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ПРЕССЫ 70—90-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

К последней трети XVIII века чешско-русские контакты имели длительную и богатую историю¹. «Едва ли не тысячелетний процесс развития русско-чешских отношений можно разделить на несколько периодов,